

Этторе Майорана: квантовая механика судьбы

О.Б.Заславский

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, механико-
математический факультет,

Харьков, пл. Свободы 4, Харьков 61077, Украина

e-mail: ozaslav@kharkov.ua

В целом ряде внешне разрозненных экстравагантных поступков Майораны, в том числе связанных с подготовкой исчезновения, обнаружен инвариант, связанный с "разыгрыванием" в жизни принципов квантовой теории. Выдвинуты аргументы в пользу того, что в истории исчезновения глубинным движущими мотивами Майораны было экзистенциальное недовольство однозначностью мира, включая фиксированные рамки личности и дихотомию жизни и смерти, а также стремление смоделировать для себя множественность миров.

Ettore Majorana: quantum mechanics of destiny

O. B. Zaslavskii

Department of Mechanics and Mathematics, Kharkov V.N.Karazin National University,
Svoboda Square 4, Kharkov 61077, Ukraine

We show that a number of apparently separate extravagant Majorana's actions, including those connected with his disappearance are united by the invariant of behavior. It is based on "carrying into life" the principles of quantum theory. We argue that the underlying motive force in the story of his disappearance consisted in existential intention to overcome the fixed frame of personal identity and dichotomy "life – death" and mimic breakthrough to plurality of worlds.

e-mail: ozaslav@kharkov.ua

В истории науки Этторе Майорана (1906 - ?) выделяется не только своими выдающимися работами по квантовой теории¹, но и тем, что был весьма необычным человеком². Неудивительно, что личность Майораны привлекает внимание не только историков науки, но и людей искусства – в относительно недавнее время она стимулировала целый ряд художественных, в том числе театральных произведений [3]. Отчасти это по-видимому связано с тем, что в ситуациях, где ничего не может сказать историк, эстафета переходит к художнику, а место анализа занимает фантазия. Между тем, несмотря на всю необычность, а иногда и экстравагантность того, что известно о поведении и поступках Майораны, по нашему мнению все же удастся хотя бы частично продвинуться в понимании логики, которая двигала внешне экстравагантными поступками этого незаурядного человека. Это связано с тем, что, как мы увидим ниже, в целом ряде этих поступков обнаруживаются общие закономерности, выявляющие совершенно необычный характер того, что традиционно обозначается как единство жизни и трудов ученого. Их анализ приводит к довольно неожиданному выводу и дает основания говорить о (пользуясь терминологией современной семиотики) "тексте поведения". Выявление и анализ соответствующего "текста" и является предметом данной работы (научная же деятельность Майораны затрагивается нами лишь в той степени, в которой она касается данного аспекта, и сама по себе не рассматривается).

Рассмотрим же ряд событий и фактов, связанных с жизнью Майораны.

Путешествие из Палермо в Неаполь

В этом ряду наибольшую известность приобрело загадочное исчезновение Майораны. Известные нам обсуждения этого события строятся на сопоставлении разных версий – какую из них следует считать более вероятной (покончил с собой, ушел в монастырь, уехал в Аргентину...). Вместе с тем, уже беглое знакомство с известными обстоятельствами этого исчезновения заставляют предположить, что сама множественность версий входила в задачу Майораны. Вряд ли, особенно по прошествии стольких лет, здесь можно дать определенный ответ на вопрос, что именно произошло с Майораной – в полном соответствии с замечанием Ферми "With his intelligence, once as he decided to disappear, Majorana would certainly have succeeded" [4]. Зато кое что можно по-видимому понять в том механизме, который выбрал для этого Майорана.

¹ О научном наследии Майораны см., в частности [1].

² К сожалению, специальных работ, посвященных Майоране, сравнительно немного, и в основном они изданы по-итальянски – см, например, библиографию в относительно недавней работе [2].

Напомним основные моменты этой истории, как они описаны в книге Шаши [5] (в дальнейшем для краткости мы будем ссылаться на русский перевод этой книги [6], просто приводя в скобках номера страниц). 25 марта 1938 г. из Палермо в Неаполь пришел корабль, на котором должен был быть Майорана. Из билетов, сданных пассажирами, следовало, что "в каюте путешествовали англичанин Чарльз Прайс, Витторио Страццери и Этторе Майорана. Разыскать Прайса было невозможно, а вот связаться с доцентом Палермского университета профессором Страццери оказалось легко.

Получив от брата Этторе письмо с расспросами (и, должно быть, с фотографией), профессор Страццери выразил сомнение в двух обстоятельствах: что он действительно ехал вместе с Этторе Майораной, и что "третий человек" был англичанин. Тем не менее он "абсолютно убежден: если ехавший со мною человек был ваш брат, он оставался жив по крайней мере до прибытия в Неаполь". Англичанин, утверждает Страццери, носил фамилию Прайс, но по-английски говорил, "как мы, южане", и манеры имел грубоватые, как у лавочника, или еще проще. Итак, "третий человек". Разгадку найти нетрудно. Поскольку профессор Страццери с предполагаемым Чарльзом Прайсом несколькими словами перекинулись, а предполагаемый Этторе Майорана не сказал ни слова, можно допустить, что молчавший человек, которого Страццери позже отрекомендовали как Этторе Майорану, наоборот, был англичанин, а тот, кого называли Прайсом, – сицилиец южанин, на самом деле лавочник, поехавший вместо Майораны. Ничего невероятного здесь нет: Майорана вполне мог подойти в соответствующее время к кассе "Тиррении" и подарить свой билет человеку, который собирался его покупать и, не исключено, был примерно того же возраста и роста, походил цветом волос (нет ничего проще, чем найти "сарацина" даже среди немногих сицилийцев)" (280).

Основная идея Шаши о подмене представляется правдоподобной, однако он не додумал свою мысль до конца и не сделал напрашивающихся здесь выводов. Кроме того, в его версии есть логические неувязки. Рассмотрим ситуацию с пассажирами подробнее. В каюте, помимо Страццери, было еще два пассажира – обозначим их А (тот, с кем Страццери перекинулся несколькими словами – "сицилиец") и В (молчун). Предположим, что действительно (как предполагает Шаша), А не был англичанином, а подлинный Прайс – это В. Но тогда объяснение не может ограничиться ссылкой на то, что Майорана подарил свой билет кому-то, похожему на него (согласно мнению Шаши, это был А). Коль скоро пассажир А назвал себя именем соседа по каюте, причем в его присутствии, а тот промолчал, речь должна идти о единой мистификации, задуманной и реализованной Майораной по договоренности с обоими пассажирами (а не только с А, о чем пишет

Шаша). Однако рассмотренный Шашей вариант отнюдь не является единственным. Попробуем учесть хотя бы основные варианты мистификации, сведя их в таблицу.

	А	В
1	Прайс	Похожий на Майорану пассажир под его именем
2	Настоящий Прайс, разыгрывающий из себя фиктивного Прайса	Майорана
3	Фиктивный Прайс (не Майорана)	Настоящий Прайс под именем Майораны
4	Фиктивный Прайс, акцентирующий свою фиктивность	Майорана как фиктивный Прайс 2-го порядка
5	Фиктивный Прайс (не Майорана)	Фиктивный Майорана (не Прайс)
6	Майорана под именем Прайса	Прайс под именем Майораны
7	Майорана под именем Прайса	Фиктивный Майорана (не Прайс)
8	Подлинный Прайс	Подлинный Майорана

Прямолинейный вариант мистификации состоял бы в том, чтобы под именем Майораны ехал кто-то другой. Однако это всего лишь частный случай 1 из набора вариантов. В целом же описанная выше мистификация на наш взгляд безусловно подтверждает приведенное выше замечание Ферми.

Сделаем теперь некоторые разъяснения. Если манеры и акцент пассажира А были намеренными (варианты 2 и 4), то непосредственной целью этого было увести расследователя на ложный путь, чтобы он пришел к выводу, что на самом деле Майораны на корабле не было, а пассажир В – это не Майорана, а Прайс. Именно эту версию и выдвинул Шаша, полагавший, что "Разгадку найти нетрудно" (280). Мы не включили в таблицу более искусственные варианты типа того, что пассажир А был настоящим Прайсом, а В – не настоящим Майораной. Варианты 6 и 7 предполагают какой-то минимум актерских способностей в самом Майоране. Не располагая такими сведениями, мы тем не менее оставили их для полноты. Но главное, по нашему мнению, это не свойства тех или иных конкретных версий, а принципиальная установка на множественность вариантов. (По этой причине мы включили и вариант 8: хотя в нем нет прямых подмен, в общем контексте он отнюдь не очевиден и поэтому воспринимается

всего лишь как одна из возможностей мистификации.) Мы имеем дело с таким "спектаклем", в котором невозможность найти однозначную "разгадку" является не только (и даже не столько) прагматической задачей, сколько глубинным смыслом всего действия.

Обратим внимание, что заместителями Майораны потенциально оказываются оба пассажира – и А и В. Соответственно, оба они (а не только А, как полагал Шаша³) должны были быть на него похожи (поскольку при расследовании фотографии должны были предъявляться спустя какое-то время, а 3-й пассажир специально не запоминал внешность попутчиков, достаточно было самого общего сходства). Пассажир А вероятно сочетал в себе потенциальные признаки Майораны (сицилийская внешность, акцент), нанятого Майораной сицилийца и англичанина (фамилия "Прайс"). Аналогичным образом обстояло дело для В, с той лишь разницей, что его молчаливость могла быть истолкована как дополнительный фактор в пользу отождествления как с Майораной, так и с англичанином.

Таким образом, потенциальные подмены затрагивали все возможные отношения среди тройки М – А, М – В, А – В (здесь для краткости мы обозначали через М самого Майорану). Причем подмена совершалась не целиком (т.е. так чтобы на месте одного персонажа просто оказался другой – с присущим ему набором признаков), а с перепутыванием самих признаков. В результате вместо детерминистской (пусть неполной, не до конца известной) картины происходящего получается картина сугубо вероятностная. И возникает она в результате своего рода *обменного эффекта* и своеобразной *неразличимости* составных частей (в варианте 6 такой обмен совершается непосредственно). Аналогия с квантовой механикой очевидна. Далее мы еще обсудим указанную выше аналогию, а пока перейдем к другим известным обстоятельствам исчезновения.

Письма

Приведем сначала ряд цитат из книги Шаша. "Вечером 25 марта в 22 часа 30 минут (1938 г. – О.З.) Этторе Майорана отбыл почтовым пароходом, следовавшим из Неаполя в Палермо. Предварительно он отправил письмо директору Института физика Каррелли, а другое, адресованное родным, оставил в гостинице. Письмо Каррелли: "Дорогой Каррелли, я принял решение, ставшее отныне неизбежным. В нем нет ни капли эгоизма, но я отдаю себе отчет в том, какие неприятности может доставить мое неожиданное исчезновение тебе и студентам. Прошу, прости меня и за это, но прежде всего за то, что я не оправдал доверия, искренней дружбы и симпатии, которые ты проявлял ко мне в эти

³ Хотя из его рассуждений казалось бы следует, что на Майорану должен был быть похож В, чтобы создать обманчивое впечатление, будто Майорана – это он.

месяцы. Еще прошу, передай привет от меня к тем кого в твоём институте я научился понимать и ценить, особенно Шути. Я сохраню обо всех вас теплую память по крайней мере до одиннадцати часов сегодняшнего вечера, а возможно, и после этого срока" (278).

Письмо домашним: "У меня только одно желание: чтобы вы не одевались в черное. Если хотите соблюсти обычай, носите какой-нибудь знак траура, но не дольше чем три дня. Потом, если сможете, храните память обо мне в своих сердцах и простите меня" (279).

"Письмо еще не дошло до Каррелли, когда ему доставили срочную телеграмму от Майораны из Палермо с просьбой не принимать его письмо в расчет. (...) Затем последовало еще одно, из Палермо, на бланке гостиницы "Соле": "Дорогой Каррелли, надеюсь, что телеграмма и письмо пришли к тебе одновременно. Море меня не приняло, и завтра я вернусь в гостиницу "Болонья", а этот листок бумаги, возможно, придет со мной. Не думай, я не ибсеновская девица, тут случай совсем иной. Если захочешь узнать подробности, я в твоём распоряжении" (279 – 280).

Отметим целый ряд противоречивых сочетаний в действиях Майораны. Сначала он посылает письмо с намеком на готовящееся самоубийство, затем его отменяет. Казалось бы, отправитель должен был надеяться, что сначала придет 2-е послание, чтобы успеть отменить 1-е с более чем тревожным содержанием, однако вместо этого он выражает надежду, что оба послания пришли одновременно – как бы удостоверяя равноправность их и указанных там версий, друг другу противоречащих. Письмо на имя Каррелли, как правильно отметил Шаша, содержит важную двусмысленность в словах "сохраню обо всех вас теплую память по крайней мере до одиннадцати часов сегодняшнего вечера, а возможно, и после этого срока" (278). С одной стороны, это может быть понято как возможность отказа от самоубийства, с другой – возможность (неуверенную) сохранить память уже "там".

"23-го января он попросил мать поручить брату Лючано снять с банковского счета принадлежащую Этторе сумму и выслать ему "свою". А незадолго до 25 марта, когда он отправился в Палермо, объявив о самоубийстве, Этторе забрал свое жалованье с октября по февраль, которое до тех пор получить не потрудился" (282 - 283). Перед исчезновением Майорана взял с собой паспорт и деньги. Шаша отмечает: "нелепость такой ситуации, когда самоубийца захватывает с собой сколько может денег и паспорт, должна была поддерживать у матери иллюзию, что он еще жив, надежду, что он не покончил с собой. Однако такому объяснению противоречит просьба не надевать траур или носить лишь какой-нибудь его знак, но не более чем три дня – три дня сицилийского "обязательного траура". Ясно: он хотел, чтобы поверили в его смерть" (283).

На наш взгляд, из столь настойчиво создаваемых Майораной противоречий следует иной вывод: Майорана хотел добиться, чтобы *на равных существовали версии, которые иначе следовало бы считать взаимоисключающими, – то ли он покончил с собой, то ли остался жив.*

Ссылка на Ибсена

Специально обратим внимание на одну литературную ссылку. В письме, отправленном Каррелли, Майорана упоминает Ибсена: "я не ибсеновская девица, тут случай совсем иной" (280) (вот как передает это Амальди: "I am not young girl from one of Ibsen's plays, you understand, the problem is much more great than that" [4, стр. 63]). Среди пьес Ибсена есть две, в которых героиня (девушка или молодая женщина) кончает с собой. Это – "Дикая утка" и "Гедда Габлер". Сюжеты обеих пьес настолько далеки от ситуации Майораны, что может показаться странным, почему Майорана вообще упоминает здесь Ибсена. Однако тот факт, что Майорана (в чем можно не сомневаться) тщательнейшим образом продумал свое исчезновение, заставляет полагать, что и в соответствующих письмах не было ничего случайного.

Можно предложить следующее объяснение. В данном контексте на первый план выходит то обстоятельство, что у данного писателя пьес с сюжетом самоубийства больше, чем одна, а потому *идентифицировать субъект самоубийства оказывается невозможным.* Тем самым воедино переплетаются два мотива – самоубийство и неоднозначность (деидентификация) личности.

Последнее обстоятельство, как мы сейчас увидим, тем или иным образом проявило себя и в других поступках Майораны.

Доклад на конференции

Известна экстравагантная выходка Майораны [7]. Когда Ферми попросил у Майораны разрешения сообщить о его теории ядерных сил на Парижской конференции, тот разрешил это сделать при условии, что его идеи будут приписаны старому профессору электротехники, который должен был присутствовать на этой конференции. В этой экстравагантности обнаруживается, однако, свой внутренний смысл, если учесть, что речь должна была идти о теории *обменных* сил, в которой между составляющими ядро частицами существует своеобразный "обмен сущностями" – пример такого "обменного эффекта" (хотя и одностороннего) и должен был произойти в случае, если бы автором идеи Майораны (т.е. в определенном смысле им самим) оказался кто-то другой.

Как Майорана получил место профессора

"Четыре года – с лета 1933-го по лето 1937-го – он редко выходит из дому и еще реже появляется в Институте физики. Потом перестает бывать там вообще" (273). Но затем Майорана неожиданно подает заявку на участие в конкурсе на место профессора. Такая "социализация" статуса выглядит для Майораны довольно необычно, тем более на фоне периода предшествовавшего затворничества. Между тем, здесь стоит вспомнить обстоятельства конкурса. "Тройка победителей была, как обычно, преспокойно определена еще до окончания конкурса; они шли в следующем порядке: Джанкарло Вика – первый, Джулио Рака – второй, Джованни Джентиле – младший – третий" (275 – 276). Результат казался предопределен заранее не только в силу научных заслуг Вика и Рака, но и из-за того, что отец Джентиле пользовался определенным влиянием в правящих кругах фашистского режима. Однако в случае, если бы Майорана принял участие в конкурсе, не было сомнений, что первым прошел бы именно он, соответственно Джентиле не прошел бы вообще. Чтобы предотвратить такое развитие событий, Майорану утвердили профессором кафедры теоретической физики Неаполитанского университета за "общепризнанные заслуги", что дало возможность провести конкурс как было задумано.

По мнению Шаши, Майорана участвовал в конкурсе "только затем, чтобы язвительно подшутить над коллегами". Мы полагаем, что дело здесь в ином. В случае успеха своего замысла Майорана бы *занял чужое место* в уже зафиксированной иерархии. Кроме того, неизбежно произошел бы аналогичный сдвиг и с остальными участниками конкурса – 1-й стал бы 2-м, 2-й – 3-м. То есть произошел бы своего рода эффект деидентификации, аналогичный тому, который рассматривался выше при обсуждении несостоявшегося доклада Майораны о ядерных силах.

Способ потенциального самоубийства

Вернемся к проблеме исчезновения Майораны. Выше мы постарались обосновать, что мистификация как в целом, так и в деталях должна была по своей природе оказаться сугубо "вероятностной", причем она должна была имитировать вероятностные законы квантовой механики. Но тогда представляется правомерным распространить это обстоятельство и на сам способ самоубийства (реального или мнимого) – гибель в морских *волнах*, причем так, чтобы оставались альтернативные *версии* происшедшего – то ли было самоубийство, то ли нет. Напрашивается мысль связать это с принципиальной ролью *волновой* функции в квантовой механике, с которой и связана особая *вероятностная* природа квантовой механики, отличающая ее от классической. Такая интерпретация связывает воедино оба мотива – и вероятностность и волновой характер

соответствующего объекта. По сути, получается имитация в реальности "волн вероятности".

Жизнь, смерть и квантовая механика

В очерке "Роль статистических законов в физике и общественных науках", написанном во время почти полного затворничества 1934 – 1937 гг., Майорана писал: "Регистрация распада радиоактивного атома автоматическим счетчиком может сопровождаться при соответствующем усилении механическим действием. Это позволяет в лабораторных условиях подготовить доступную наблюдению сложную цепь явлений, порождаемую случайным распадом одного радиоактивного атома. Со строго научной точки зрения не исключена возможность того, что столь же простой, незаметный и непредсказуемый жизненный факт повлечет за собой существенные процессы в человеческом обществе" (274). На наш взгляд, этот отрывок следует сопоставить с проблемой, затронутой в знаменитой статье Шредингера о парадоксе, названном впоследствии парадоксом шредингеровского кота. (Эта статья [8] появилась в 1935 г., не беремся судить, прочитал ли ее Майорана.) Шредингер писал о том, что состоявшийся или не состоявшийся в замкнутом пространстве распад радиоактивного атома (подчиняющийся вероятностным законам квантовой механики) может запустить цепь следствий, которые приводят к гибели находящегося там кота. Тем самым законы квантовой механики прилагаются к макроскопическим объектам, причем жизнь и смерть образуют в определенном смысле суперпозицию разных состояний. Если наше предположение правильно, то *Майорана постарался смоделировать "суперпозицию" состояний собственной жизни и смерти*. (В определенном смысле это можно назвать квантовой версией гамлетовского вопроса.)

От квантовой механики к тексту поведения

Таким образом, очерченная выше картина по-видимому позволяет из осколков того немногого, что осталось известным о Майоране и обстоятельствах его исчезновения, сложить тем не менее вполне ясный фрагмент. Майорана, согласно предложенным выше объяснениям, настойчиво имитировал как в окружающем мире, так и собственном поведении и судьбе законы квантовой теории – объект исследования слился с субъектом. В этом, заметим, в свою очередь проявилась специфика квантовой механики, где вообще говоря нельзя пренебречь присутствием прибора, с которым взаимодействует квантовый объект в измерительном процессе. Можно сказать, что Майорана с предельной честностью и последовательностью довел до логического предела столь важное для квантовой теории соотношение между природой и изучающим ее наблюдателем, включив

сюда собственные жизнь и смерть. Подчеркнем еще раз, что расхожие представления и фразы вроде "единства жизни и деятельности ученого" получают в данном случае совсем нетривиальный смысл.

Следует сделать оговорку. Между описанной выше имитацией квантового состояния и подлинно квантовым состоянием есть принципиальная разница. Объект "эксперимента" (совпавший в данном случае с "экспериментатором"), т.е. сам Майорана, разумеется был однозначно жив или однозначно мертв в каждый момент времени, – другое дело, что это было (и осталось) неизвестным. В этом смысле, оппозиция "жизнь – смерть" имела здесь чисто классическую природу. Тогда как для квантового объекта вероятностность и существование альтернатив (жизни и смерти в случае парадокса шредингеровского кота) принципиально неустранимы вплоть до совершения измерения, которое и отбирает одну из возможностей. (Например, в случае шредингеровского кота срабатывает или не срабатывает счетчик, который в результате распада атома приводит к разбитию ампулы с ядом.) Таким образом, возможности имитации квантовых свойств (как, собственно, любой имитации) были ограничены, однако Майорана реализовал их в полной мере.

При всей необычности приведенных выше особенностей следует заметить, что существование закономерностей в поведении человека, заставляющих говорить о параллелях между жизнью и текстом, неоднократно отмечалось в гуманитарных науках (хотя, разумеется, в совершенно другом контексте). Так, Лотман писал о том, что Пушкину было свойственно "твердо и уверенно строить свою личность, создавая ее постоянно как оригинальное и законченное художественное произведение" [9]. В случае Майораны следует говорить о выстраивании не жизни, а (в той или иной форме) ухода из нее или внешнего мира. Однако совершено это было на уровне, заставляющем вспомнить его научные работы, и придающем цельность его трагической судьбе.

Майорана и Пиранделло

Складывание закономерностей поведения человека в единый текст может быть связано, в том числе, и с ориентацией на уже существующие тексты. В частности, это касается и ситуации ухода из жизни. Достаточно напомнить здесь о роли романа Гете "Страдания молодого Вертера", публикация которого вызвала в Германии эпидемию самоубийств, или о роли образа Катона и трагедии Аддисона "Катон Утический" в самоубийстве Радищева⁴. Что касается Майораны, то здесь можно указать на возможную аналогию между его исчезновением и сюжетом романа Л. Пиранделло "Покойный Маттиа

⁴ Ю. М. Лотман. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. В кн.: Ю. М. Лотман. Избранные статьи. Т.1. Таллинн. 1992, с. 264 – 268.

Паскаль". Напомним: герой этого романа исчезает из своего мира, где уверены в его самоубийстве. Под новым именем он начинает новую жизнь. Однако через некоторое время он имитирует самоубийство уже в новом качестве и возвращается.

Указанная аналогия хорошо известна и стала общим местом в литературе о Майоране, о ней даже упоминалось в средствах массовой информации (283). Тем не менее мы хотим, в рассматриваемом нами контексте, обратить здесь внимание на некоторые важные нюансы, вероятно ускользнувшие из предыдущих обсуждений на эту тему. Непосредственным основанием для данной гипотетической аналогии является исчезновение с имитацией самоубийства. Существенно, однако, что здесь есть и нечто большее. В романе Пиранделло переход между жизнью и смертью, "этим" миром и "тем" оказывается двойным – туда и обратно, в связи с чем для Майораны (в обсуждаемом нами аспекте) это могло выглядеть как "равноправие" обоих состояний, литературный вариант той суперпозиции, о которой мы говорили выше. Кроме того, на такие "квантовые переходы" туда и обратно наложилась деидентификация личности, т.к. герой Пиранделло дважды менял свое имя – ср. со сказанным нами об этой проблеме выше. В данном контексте имеет также смысл вспомнить, что одним из обстоятельств, которые способствовали решению Маттия Паскаля уйти из "этого" мира, был его крупный выигрыш в рулетку, т.е. сугубо вероятностный фактор.

Обратим еще внимание на мотив удвоения. В некрологе, посвященном Паскалю, его самоубийство представлено как повтор 1-й неудачной попытки, от которой Паскаля якобы спас сторож Филиппо Брина. Причем, в некрологе говорится, что "в этот раз другого Филиппо Брины, который вторично воспрепятствовал бы страшному замыслу, не нашлось"⁵. Иначе говоря, обсуждается "виртуальная история" с двойником, отсутствие которого оказалось фатальным в судьбе героя. Тем самым не только "реальная", но и ошибочно приписываемая герою судьба оказалась связана с таким фактором как множественность воплощений одного и того же персонажа (в том числе и "второстепенного"). Соответственно, можно говорить о множественности соответствующих этому вариантам индивидуальной истории человека.

Таким образом, выявляется целый комплекс актуальных для Майораны мотивов – ***"переходы" между жизнью и смертью, "переходы" между разными личностями, роль вероятности мира в судьбе человека, актуальность альтернативных вариантов.*** По указанным причинам мы полагаем, что данный роман Пиранделло сыграл даже большую роль в исчезновении Майораны, чем это можно было думать. Здесь

⁵ Л. Пиранделло. Избранная проза. Т.1, с. 220. М., 1983.

следует говорить не только и даже не столько о сюжетном заимствовании, сколько об идейной и мотивной близости – Майорана обнаружил у Пиранделло художественное обсуждение волновавших его проблем.

В свою очередь, сказанное заставляет всерьез отнестись к роли в судьбе Майораны еще одного романа Пиранделло. Обсуждая аналогию между Маттиа Паскалем и Майораной, Шаша (283) замечает, что "на самом деле вернее было бы соотнести его устремления с главным героем романа "Кто-то, никто, сто тысяч". К сожалению, Шаша никак не поясняет свою мысль. Между тем, учет обсуждавшихся нами выше тем и мотивов обнаруживает здесь поразительную близость между духовным миром Майораны и проблематикой романа, связанной с *множественностью личности*. Достаточно привести лишь несколько цитат: "я обнаружил, что не был для других чем-то одним, как не был я одним и для себя, что было сто тысяч разных Москард, и все сто тысяч носили одно имя Москарда (350)"⁶, "Множество голов, которые, в сущности, все – одна ваша голова" (360), "я не облакал себя ни в какой реальный образ и жил в состоянии как бы постоянной расплавленности – льющийся и ковкий" (376), "Но как бы ни было глупо и неприятно оказаться вот так вот навеки заклеянным одним именем и быть не в силах переменить его на другое или, еще того лучше, на множество других имен, которые согласовывались бы с разнообразием моих чувств и поступков" (382), "я поставил эксперимент по уничтожению одного из множества Москард" (390).

В романе множественность личности связана с множественностью точек зрения, т.е. субъективным свойством. Что же касается мировосприятия Майораны, то есть основания полагать, что он здесь пошел гораздо дальше, постаравшись превратить для себя указанное свойство в фактор объективной реальности. К обсуждению этого мы и переходим.

О движущих мотивах Майораны

До сих пор мы в основном обсуждали формальные особенности "текста поведения", который обнаружен в ряде поступков Майораны. Естественно, возникает вопрос о том, чтобы дать содержательную интерпретацию найденной структуре и по возможности разобраться в связанной с этим текстом "сверхзадаче" и психологических мотивах действий его "автора". Степень гипотетичности здесь будет неизбежно выше, чем при непосредственном систематизировании отдельных наблюдений. Тем не менее, мы полагаем такую постановку вопроса не только правомерной, но и необходимой – по сути,

⁶ В данном перечне мы даем ссылку на номера страниц по изданию Л. Пиранделло. Избранная проза в двух томах. Т. 2. М., 1983.

речь идет о том, чтобы из уже полученных результатов, без дополнительных допущений, сделать все напрашивающиеся выводы, исчерпав насколько это удастся обнаруженную там логику.

Поскольку в обсуждаемом "тексте" были затронуты фундаментальные вопросы жизни и смерти, причем весьма необычным образом, можно думать, что и соответствующий движущий мотив был столь же экзистенциально серьезен. Вспомним, что Майорана "был пессимистом по натуре, вечно был недоволен собой (и не только собой!)" [7, стр. 27]. С учетом данного обстоятельства и обобщая сделанные выше наблюдения, представляется уместным сделать следующий вывод. *Майорану глубоко не устраивала жизнь как таковая – не только собственные в ней место и судьба, но и законы бытия как таковые.* При этом, главное острие экзистенциального недовольства оказалось направлено *против однозначности и отсутствия выбора.* На индивидуальном уровне это выразилось в стремлении разрушить однозначную идентичность личности – отсюда и предложение приписать свои идеи другому, самому занять место другого, сделать объектом расследования не одного себя, а целый пучок личностей на своем месте (история с пассажирами на корабле) и т.п. На более общем уровне это выразилось в стремлении упразднить однозначную границу между жизнью и смертью. Речь шла не о том, чтобы просто изменить психологическое отношение к таким фундаментальным категориям как жизнь и смерть, а чтобы изменить их природу (хотя бы на уровне имитации, чисто субъективно). При этом, задумывая и реализуя свое столь необычное исчезновение, Майорана вовсе не стремился специально устроить "спектакль" для зрителей. Точнее, главным зрителем спектакля был он сам, единственный понимающий (сознательно или интуитивно), что и зачем он делает – все эти представления с подменами были на самом деле актом автокоммуникации.

Если предложенная психологическая реконструкция правильна, то из нее следуют и важные выводы в том, что касается реальной судьбы Майораны. Всего существует три основных версии исчезновения: 1) ушел в монастырь, 2) покончил с собой, 3) скрылся в другой стране. Мы полагаем, что версию 1) следует теперь решительно исключить. Те представления о бытии и небытии, которые мы описали выше, были совершенно несовместимы с христианскими представлениями. И в той мере, в которой в Майоране была или сохранялась религиозность, его представления, намерения и действия были безусловно богоборческими, отрицающими в экзистенциальном бунте основные законы, установленные Творцом. Скорее же всего, они просто не имели отношения к христианству – Майорана стремился возвести для себя свой собственный, индивидуальный мир, не похожий на ранее известные.

Остается, таким образом, две версии. "Множественность личности", столь важная для Майораны, дает основания для осторожного оптимизма в пользу версии 3) – по существу, жизнь в другой стране под чужим именем оказалась бы для него аналогом другой жизни. (См. об этом также следующий раздел.)

С другой стороны, Майорана не мог не понять, что на самом деле каждый раз перед ним оказывается одна реальность, а не две (или больше) альтернативные одновременно. С учетом его постоянного пессимизма, такое неизбежное экзистенциальное разочарование могло оказаться трагическим, так что версию 2) исключить нельзя. Какова бы ни была реальная история Майораны после исчезновения, в любом случае можно конкретизировать одну важную деталь. Мы полагаем, что Майорана обзавелся альтернативным удостоверением личности – не только потому, что это было прагматически нужно для организации исчезновения, но и по указанным выше причинам. И даже если его жизнь закончилась трагически, у него было какое-то время, чтобы "почувствовать себя другим".

Альтернативные миры

Если обобщить сделанные наблюдения, то важнейшим свойством мира Майораны оказывается принципиальная *множественность*, альтернативность реальности. В результате в таком мире появляются возможности, которые сами по себе в классическом мире исключают друг друга. Представляя реакцию других на свое исчезновение и те варианты, которые они были вынуждены учитывать (т.е. как бы становясь на их точку зрения) Майорана мог сам превращаться в условного зрителя, мысленно наблюдающего за разными вариантами собственной судьбы.

Но тогда такая множественность означает даже нечто большее, чем аналог или имитацию законов квантовой механики. Даже в квантовой механике с ее неустранимой вероятностью мира в конечном счете в каждом эксперименте происходит выбор одной из альтернатив. Однако предыдущий анализ заставляет считать, что для Майораны оказалось важным охватить и ощутить различные альтернативы именно как *реальные* события – хотя бы через посредство восприятия других людей. Иначе говоря, прожить или ощутить разные варианты своей судьбы, включая собственную гибель. Это усиливает аргументы против версии 2) – по крайней мере, Майорана не мог покончить с собой сразу, так как ему было нужно какое-то время побыть в качестве наблюдателя за альтернативными вариантами своей судьбы. Таким образом, согласно нашим предположениям, ключевую роль в движущих мотивах Майораны сыграла идея о множественности миров, причем по-видимому понимаемых не как набор абстрактных возможностей, из которых реализуется только одна, а как *реальные* варианты.

Поразительно, что в самое последнее время такая идея действительно появилась в науке, а именно в современной космологии на стыке теории инфляции и квантовой теории. Согласно соображениям, выдвинутым в [10] – [12], существует бесконечное число вселенных, но лишь конечное число возможных историй. Одним из следствий является то обстоятельство, что если в данной пространственно-временной области реализуется та или иная история, то ее другие варианты непременно реализуются где-то в других областях. Можно предположить, что эти идеи оказались бы близки Майоране⁷.

В применении к рассматриваемому нами случаю данная парадигма означает, что существуют миры, в которых Майорана действительно покончил с собой. Но также существуют миры, где Майорана сумел побороть свой пессимизм и остался жив. Остается надеяться, что второй вариант встречается во Вселенной чаще.

* * *

Автор выражает благодарность Г. Е. Горелику за внимательное чтение рукописи и стимулирующее обсуждение.

Список литературы

1. E. Recami, Ricordo di Ettore Majorana a sessant'anni dalla sua scomparsa, physics/9810023.
2. Yu. P. Stepanovsky, Ettore Majorana and Matvei Bronstein (1906 – 1938): men and scientists. *Advances in the Interplay Between Quantum and Gravity Physics*, Kluwer Academic Publishers:, 2002, pp. 435 – 458.
3. Francesco Scarpa, Characters in search of Majorana, http://jekyll.comm.sissa.it/articoli/art06_02_eng.htm.
4. E. Amaldi. Ettore Majorana: Man and Scientist, in A. Zichichi (ed.), *Strong and Qwak interactions*, Academic Press Inc., New York, 1966, pp. 9 – 77.
5. L. Sciascia. *La scomparsa di Majorana*, Einaudi, Torino, 1975.
6. Л. Шаша. Исчезновение Майораны. В кн.: *Детектив и политика*. Вып. 4. М., 1989.
7. Б. Понтекорво. "Энрико Ферми". В кн.: *Э. Ферми. Научные труды*. Том 1. М., Наука, 1971, с. 457.
8. E. Schrödinger, "Die gegenwertige Situation in der Quantenmechanik," *Naturwissenschaften*. 23 : pp. 807-812; 823-823, 844-849. (1935). English translation: John D.

⁷ Интересно, что в последние годы аналогичные идеи стали приобретать популярность в литературе и искусстве. Прежде всего, это касается техники "нелинейного повествования", благодаря которой один и тот же роман может иметь совершенно разные финалы в зависимости от способа чтения. (Одним из наиболее ярких представителей этого направления является М. Павич.)

Trimmer, *Proceedings of the American Philosophical Society*, 124, 323-38 (1980), Reprinted in *Quantum Theory and Measurement*, p 152 (1983).

9. Ю. М. Лотман. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1981, с. 56.

10. A. Vilenkin, 'Unambiguous probabilities in an eternally inflating universe', *Physical Review Letters* 81 (1998) , pp. 5501-4.

11. Garriga, J. and A. Vilenkin 'Many worlds in one', *Physical Review D* 64 (2001), 043511.

12. J. Knobe, K. D. Olum, and A. Vilenkin, *Philosophical Implications of Inflationary Cosmology*, *British Journal for the Philosophy of Science* 57 (2006) 47 – 67 [**arXiv:** physics/0302071].